ГОД УХОДИТ

Уходит ещё один год.
Это странно. Почти недостоверно.
Люди —
их имена, голоса, мнения,
их взгляды на обыденность и значительность,
их привычное присутствие
в наиболее сознательной
части моей жизни
с юности по...
(как бы это назвать без запинки) —
эти люди
теперь в прошлом.
Навеки остались в году,
который сейчас уходит.
В будущем их нет.
Это дико и непонятно,
и у меня болит голова,
как от непролазных математических дебрей.
Это непостижимо:
в будущем
их
нет.
То простое соображение,
что их уже нет в настоящем,
не приходит в голову.
Настоящее не в счёт,
оно столь кратко, мимолётно,
что не поддаётся исчислению.
Может, настоящего не существует вовсе?
Пока я пишу эту строчку,

оно неукоснительно становится прошлым.
Настоящего «Настоящего» нет.
Есть лишь мгновенная сцепка
Прошлого и Будущего.
Влажные следы
на плиточном полу подъезда
уходят в будущее,
когда ни человека,
ни тени его
давно нет,
и уже неизвестно — кто их оставил.
Терпкая горечь крепкого чая
задержалась в извилинах миндалин
и трудит рецепторы,
а чай — уже история.

Если людей моего прошлого
нет в будущем,
как мне ступить в него?

Год уходит.

★★★

Зной неподвижен. От него не деться.
Распахнутая дверь. Пустынный мол.
Веранда, где на пляжном полотенце
в священной позе замер богомол.

Чужие голоса сквозь толщу сада —
как из другого мира — ни о чём.
И тонкий запах яблок, и досада,
что он летуч, а значит, обречён.

Тень кружевная. Бесконечно длиться
и полудрёмою переболеть...
И никуда не надо торопиться.
И ни о чём не надо сожалеть.

МЕТЕЛЬ

Какая тишь...
Во власти лени

в окно глядишь,
обняв колени.
А за окном неутомимо,
неслышно валит снег —
там, за окном.

Опять зима
проходит мимо,
как жизнь сама.
Ты не любима.
А за окном непоправимо,
беззвучно, как во сне,—
всё снег да снег...

Спокойно ждёшь
привычной боли.
Переживёшь.
Господь с тобою...
Как, побелев, прижала сердце,
увидел только снег —
там, за окном.

★★★

Что-то в здешнем мире происходит,
или это я сошла с ума?
Головою вниз, как пароходик,
в лужи опрокинулись дома.
Кувыркнулись — и застряли в лужах.
Вниз — далёко вниз!
И что с того?
Окна светят. Там готовят ужин.
Ветер гонит рябь по мостовой.

★★★

Калитку я нашарила в потёмках.
В саду гуляют тени и луна.
Ну, заходи. Пошли, бухнём, котенок,
ты — молока,
я — крымского вина.
Сулгуни я тебе не предлагаю,
и зелень тоже кошки не едят.

Ох, наступлю! Не вейся под ногами.
Куда, блохастый?
Осади назад!
А может быть, ты вовсе не блохастый?
Повеселел и округлил бока.
И значит, я примчалась не напрасно
на берег моря так издалека.
Ко мне приходишь — с кошкою, один ли,
и снова на посту: «Всегда готов!» —
оглаживая спинкой холодильник,
ведь холодильник — лучший друг котов.
Не дрейфь, котёнок,
может, и прорвёмся
через грядущие ветра и холода...
Кто знает, чем знакомство обернётся?
Надеюсь, не накличется беда.
Ты выживешь, окрепнешь, обнаглеешь?
Учись ловить мышей, гонять собак.
Глазастик тощий, крошечный,— смелее,
хотя, по правде, я не знаю — как.
Я мягким пледом поделюсь китайским,
мы можем есть от одного куска,
ты только мне под ноги не кидайся,
царапки в душу мне не запускай.

★★★

Нас объемлет осеннее время.
Не хватило б оно через край.
Вертолётик, кленовое семя,
улетай по ветрам, удирай!

Ускоряй суетливо вращенье,
чтоб с асфальтов туда дотянуть,
где начнётся твой собственный путь
и возможно твоё превращенье.

Где же в крошечке той, в семенашке,
мощь и воля огромных дерев,
что живут нараспах, нараспев
и столетье которым — не страшно?